

Чжао Фу тяжело вздохнул:

— Вы вечно заставляете Меня беспокоиться! Фэйжань в этом году исполнилось двадцать шесть, а она всё не думает обзаводиться семьёй. В прошлом месяце Я призвал её к себе и спросил, и угадай, что она ответила? Она заявила, будто во всём городе Шэнцзин нет ни одной девицы, которая пришлась бы ей по душе — даже на Мою принцессу она и смотреть не желает!

Тан Шэнь втайне вздрогнул и осторожно оглядел выражение лица Чжао Фу. Он охотно верил, что Су Вэньюнь мог осмелиться сказать императору, будто не женится из-за отсутствия милой сердцу девушки, но сомневался, что тот дерзнул бы заявить, будто сама принцесса ему не пара. Должно быть, Чжао Фу прибавил это от себя, однако то, что он позволял себе подобные слова при Тан Шэни, лишь подчёркивало его искреннее расположение к Су Вэньюню.

— Цзиндэ тоже прибавляет Мне забот. Его супруга скончалась в прошлом году, Я предложил найти ему новую, а он лишь ответил, что наследники у него уже есть, так к чему же жениться снова?

Тан Шэнь уже прекрасно понял, к чему клонит Чжао Фу. Понутив голову, он мечтал лишь о том, чтобы сквозь землю провалиться.

Чжао Фу навалился грудью на стол и, подавшись вперёд, уставился на затылок Тан Шэня.

— Вот Мне и стало любопытно, Цзинцзэ, — проговорил он мягко, но с явной насмешкой. — По какой же причине не женишься ты? Да и твой старший соученик, которому уже двадцать девять — почему и он всё никак не обзаведётся семьёй?

Тан Шэню показалось, будто в его голове гроыхнул взрыв. Не поднимая головы, он громко выпалил:

— Слуга... слуга вашим не ведает!

Чжао Фу громко расхохотался.

Тан Шэнь замер в полном замешательстве.

Отсмеявшись, Чжао Фу взглянул на его смущённый вид, и в глубине его глаз проскользнула искренняя, по-отцовски тёплая ласка.

— Десять лет назад, когда Я узнал о том, что на уме у Цзыфэна, Я немало тревожился за него, — с чувством произнёс он. — Я знаю характер Цзыфэна: если он по-настоящему кого-то полюбит, то отдаст этому человеку всё без остатка. А если бы его избранником оказался дурной человек? Но теперь, видя, что это ты, Я спокоен. Не думал, что до того, как сомкну глаза навеки, увижу вас парой. Одной заботой на Моём сердце стало меньше.

Тан Шэнь поднял голову и посмотрел на Чжао Фу.

Чжао Фу взмахнул рукой:

— Раз уж Я призвал тебя к себе да ещё и подразнил, то, разумеется, приготовил и награду. Её уже отправили в Резиденцию министра.

Тан Шэнь сотворил поклон и с глубоким почтением сказал:

— Слуга вашим благодарит Его Величество за милость.

— Ступай.

Переступив порог Дворца Чуйгун, Тан Шэнь ненадолго замер, после чего продолжил путь. В величественном и огромном императорском дворце крошечная алая фигура шаг за шагом отдалялась от тяжёлых дворцовых ворот. Его поступь была ровной и размеренной, исполненной нерушимой твёрдости.

Когда Тан Шэнь ушёл, Цзи Фу, ссутулившись, стоял подле и украдкой посматривал на Чжао Фу.

Он прислуживал Чжао Фу более пятидесяти лет. Порой ему казалось, что он понимает этого владыку, а порой — что тот остаётся для него полной загадкой. К примеру, слова, сказанные Чжао Фу Тан Шэню: было ли в них искреннее чувство или лишь притворство — Цзи Фу абсолютно не мог взять в толк. Он подумал, что Тан Цзинцзэ наверняка тоже ничего не понял, да и явись сюда сам Ван Цзыфэн, тот, пожалуй, лишь вздохнул бы: «Помыслы государя непостижимы».

Впрочем, у Цзи Фу было одно преимущество перед Тан Шэнем и Ван Чжэнем: едва Тан Шэнь удалился, император прикоснулся к тёплому селадоновому пиалу и точно втихомолку произнёс:

— Они нравятся Мне всё больше.

Цзи Фу запечатлел эти слова в памяти, намереваясь обдумать их на досуге.

Император сказал, что пожалованные дары отправлены в Резиденцию министра, однако Тан Шэню было вовсе не до них. Покидая сегодня Цензорат после службы, он ещё издалека заметил у ворот ведомства паланкин Левого пуге Приказа министерств, чиновника первого ранга. Господин Тан лишь скосил глаза и с гордо поднятой головой прошёл мимо, да так и не удосужился взглянуть внутрь.

Ван Чжэнь сошёл с экипажа и окликнул:

— Цзинцзэ.

Тан Шэнь сделал вид, будто ничего не слышит, и проследовал дальше.

Ван Цюань вздохнул:

— Всё ещё злится.

Искусство вести дела требует умения вовремя ослабить и натянуть поводья.

Ван Цюань был человеком весьма проницательным и, разумеется, не стал подливать масла в огонь, предоставив Тан Шэню два дня на то, чтобы остыть.

Однако на третий день Фу Вэй неожиданно направил обоим своим ученикам приглашения, сообщив, что добыл чрезвычайно ценную картину, и призвал их вместе пожаловать в его дом для совместного любования. От этого Тан Шэнь уклониться уже не мог, а потому с наступлением сумерек был вынужден отправиться в Помесье Фу. Когда он прибыл, Ван Цзыфэн уже восседал в парадной гостиной.

Тан Шэнь, уставившись в землю и храня полное молчание, подошёл и сел напротив Ван Чжэня.

Тан Шэнь спросил:

— Учитель, а где же картина?

Фу Вэй ответил:

— Картина? Разумеется, она здесь. Мальчик-чтец, поди скорей и принеси свиток.

Мальчик-чтец тут же поспешил в кабинет и принёс свиток. Картина оказалась небольшой; Мальчик-чтец, держа свиток обеими руками, развернул его. Едва бросив взгляд на полотно, Тан Шэнь обомлел от изумления, а в его душе зародилось сомнение. Но едва он разглядел печать подписи, как не удержался от смешка:

— Не думал я, что это творение самого Хозяина Кабинета Малых Искусств. Поистине прекрасная картина!

Хозяин Кабинета Малых Искусств, Фу Сижу, погладил бороду и расхохотался:

— Цзинцзэ тоже разглядел всю прелесть этого произведения! Отлично, отлично, твой взгляд как всегда точен. А ты что скажешь, Цзыфэн?

Тан Шэнь тоже украдкой взглянул на Ван Чжэня.

Взор Ван Чжэня замер на картине лишь на мгновение, после чего он повернулся к Фу Вэю и со слабой улыбкой спросил:

— Учитель, от кого вы об этом узнали?

Тан Шэнь обомлел.

На лице Фу Вэя отобразилось замешательство:

— Что-то я не пойму, о чём ты.

— Его Величество в эти дни не призывал вас во дворец, так что это точно был не он, — спокойным тоном произнёс Ван Чжэнь. — С Цзи Вэнцзи и канцлером Сюем вы не столь близки, так что и не они. — Помолчав, он со вздохом добавил: — Стало быть, Второй Дядюшка-предок.

Фу Вэй: «...»

Тан Шэнь тоже мгновенно всё понял: «...»

Вот уж воистину: добрые дела из дома не выходят, а дурные вести на тысячу ли летят!

В гостиной воцарилась такая тишина, что было бы слышно, как падает иголка.

Внезапно Фу Вэй подал голос:

— Эх! Учитель всего лишь проявил заботу о вас, и что с того! Вы что же, собирались и впредь таиться от меня? Вы оба — мои ученики! Не сообщать учителю о столь важном деле — разве это по правилам, разве это согласуется с ритуалом?!

Тан Шэнь подумал про себя: «Наша с Ван Цзыфэном Страсть Лунъян — вот что более всего нарушает все правила и ритуалы!»

Тан Шэнь вымолвил:

— Это вина Цзинцзэ.

Фу Вэй мгновенно приободрился и переключился на Ван Чжэня:

— А ты? Почему ты утаил всё от учителя? Чего ты добивался?

Ван Чжэнь слегка приподнял бровь, но, поглядев на склонившего голову Тан Шэня, тихо усмехнулся и сложил руки в поклоне:

— Это ошибка твоего ученика. — И тут же добавил: — Похоже, мы словно совершаем поклон родителям на свадьбе.

Фу Вэй опешил.

Тан Шэнь тоже не сразу сообразил, о чём речь, но, осознав, вспыхнул от гнева:

— Ван Цзыфэн!

Ван Чжэнь от души расхохотался.

Фу Вэй застыл в ещё большем изумлении — разве видел он когда-либо Ван Цзыфэна в подобном расположении духа? Спустя долгое время он погладил бороду, испытывая лишь глубокое утешение.

Вскоре подали блюда, и все трое поужинали. За столом Фу Вэй немного побеседовал с ними, однако из-за преклонных лет быстро утомился и отправился отдыхать.

Тан Шэнь и Ван Чжэнь вместе прогуливались по саду в Поместье Фу. Постепенно Тан Шэнь заметил:

— Ты ведёшь меня к пруду?

Ван Чжэнь ответил:

— Если быть точным, младший соученик, к той беседке.

Вскоре они прошли сквозь густые заросли бамбука и цветы и приблизились к беседке. Пять лет назад Тан Шэнь, следя за звуками цитры, пришёл сюда и повстречал «Мальчика-цитриста». В ту мимолётную встречу ни один из них и помыслить не мог, что ныне всё обернётся именно так.

Вид знакомого места пробудил в душе Тан Шэня множество воспоминаний и глубоких чувств.

Ван Чжэнь неожиданно обнял его сзади. Тан Шэнь замер и только хотел пошевелиться, как прохладные губы опустились на его обнажённую шею.

— Не двигайся.

Тан Шэнь затаил дыхание:

— Старший соученик...

— Отчего же ты больше не зовёшь меня Мальчиком-цитристом?

Тан Шэнь лишился дара речи.

Ван Чжэнь тихо усмехнулся:

— Уже три дня прошло. Всё ещё злишься на меня?

Тан Шэнь отозвался:

— Как я смею злиться на старшего соученика?

— Значит, всё-таки злишься. Уже три дня... А много ли в моей жизни останется по три дня, чтобы разбазаривать их на твои обиды?

Тан Шэнь слегка растерялся от этих слов. Поразмыслив, он решил, что Ван Чжэнь намекает на свой возраст. Впрочем, так оно и было: Ван Чжэнь был старше Тан Шэня на целых девять лет. Прежде Тан Шэнь никогда о подобном не задумывался, но теперь, слыша поникший тон Ван Чжэня, он впервые задался вопросом, уж не испытывает ли тот неуверенности в себе.

Сердце Тан Шэня сжалось. Он тут же сжал руку Ван Чжэня:

— Старший соученик, почему ты так думаешь? Я никогда о таком даже не помышлял!

Ван Чжэнь опечаленно спросил:

— Правда не думал?

Тан Шэнь пылко ответил:

— Правда!

— Тогда перестань злиться, хорошо?

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/18292/1757473>